Автобус из города пришел по расписанию. Невысокая худощавая женщина первой соскочила на землю и заторопилась: предстояло идти еще шесть километров. Бодрым шагом Нелли Максимовна двинулась вперед. Рядом сын Максим с Жанной, своей женой. Солнышко, отодвинув белесый полог, медленно поползло вверх.

По обе стороны дороги простирались поля, слева — извилистое русло реки с невысокими кустами по берегам. А дальше — плотная стена леса, подпирающего край неба, справа бескрайние поля.

— Нелли Максимовна, вы давно здесь не были? Расскажите, как жили? — прервала молчание Жанна.

— Жили в деревне Наумовское, куда сейчас идем,— ответила свекровь.— Я была единственным ребенком. Родители работали в колхозе, жили скромно. Через два дома от нас жил брат отца, дядя Миша, у него семеро сорванцов было, с младшим я особенно сдружилась,— глубоко вздохнула женщина.

— Если Вам тяжело вспоминать, давайте не будем.

— Ой, что ты? Если молча шагать, дорога длинней на семь верст покажется, а с разговорами не заметим, как до места доберемся.— Она осторожно, будто боясь что-то разбить, переложила сумку в другую руку.— В нашей деревне было больше пятидесяти дворов. Когда война началась, мужиков на фронт забрали. Вернулись немногие, да и те, как вот мой отец, вернувшись, уехали в город.

— Почему?

— Жить в деревне стало невыносимо. Отец попал в плен, после войны часто повторял, что концлагерь — мерзкое место! А вспоминать те дни не мог, слезы на глаза наворачивались: там каждый день расстреливали пленных. Когда дошла очередь до отца, он, мысленно простившись со всеми и с жизнью, вышел из барака. Конвоиры торопили. Ему же каждый шаг давался с трудом, ноги отяжелели и не хотели слушаться, перед глазами встал образ Сергея — этого подростка отец поддерживал, как мог, делился последними крохами. Но вот уберечь не смог: парень умер, не выдержав издевательств, голода и холода. Конвоиры уже подводили отца к месту казни, как вдруг сзади раздался оглушительный взрыв. Испуганные солдаты развернули отца обратно в барак. Вскоре за стенами барака раздалась беспорядочная стрельба, заглушающая крики. «Когда все прекратилось, тишина, казалось, оглушила нас». На пороге появился русский солдат: «Товарищи, выходите!» Мы не верили свои глазам и ушам: русский солдат, русская речь! Все замерли в оцепенении, никто не мог поверить в чудо освобождения.

Нелли Максимовна остановилась, поправив платок, и продолжила рассказ:

— Во время войны и мне казалось, что мир уже никогда не будет прежним. Отец вернулся в июле сорок пятого. В колхозе работать не смог, все силы остались в концлагере. Дом продали, уехали в город… Мне до сих пор жалко родного угла, всю жизнь хотела выкупить, но как-то не получалось.

— А теперь? — подала голос невестка.

— Теперь я иду к себе домой,— сказала, горделиво подняв голову вверх, свекровь.— Мама умерла рано, отец женился второй раз, виделись нечасто. Перед смертью позвал к себе, вытащил из-под подушки сберкнижку, подал: «Возьми, выкупи наш дом в деревне». Он знал о моей мечте, поэтому и сберкнижку оформил на мое имя. Осенью разыскала хозяев дома, уговорила продать. Сейчас все документы в порядке, можно ремонтом заниматься. Сыночек, поможешь?

— Так и я чем могу — помогу,— улыбнулась Жанна.

Путешественники свернули влево, спустились к реке, прошли по висячему мосту.

— Хорошо-то как! — вздохнул полной грудью Максим.

— Да уж не зря сказано: родная земля силу придает, чужая отбирает,— вспомнила пословицу Нелли Максимовна.— Зря отец нас в город увез. Маму потеряли… Прокормились бы — здесь и огород, и грибы-ягоды… Помню, весной, как только сходил снег, жители выходили в поле собирать оставшуюся в земле картошку. В нашей деревне и стар и мал — все шли в поле. Из мороженой картошки пекли лепешки. В жизни ничего вкуснее не ела этих лепешек.

Дорога делила селение пополам: три дома слева и четыре справа — все, что осталось от пятидесяти дворов. Прошли по узенькой тропе.

— Это мой родной дом,— осипло проговорила Нелли Максимовна, голос перехватило, скупые слезы засверкали на глазах.

Дом выглядел неухоженным: бревна от времени почернели, краска на оконных рамах потрескалась, труба наполовину раскрошилась. На крыше сарая, вплотную примыкавшего к дому, рубероид сорвало ветром. Забор упал. Понятно, что здесь давно никто не жил. Но Нелли Максимовну волновало не это. Она наконец-то входила хозяйкой в тот дом, где родилась, где счастливо жила ее семья…

Хозяйка перекрестилась, поклонилась в пояс:

— Здравствуй, дом родной! Всю жизнь ждала эту светлую минуточку.

Сыну стало как-то неловко, он заторопил мать:

— Давай зайдем, что тут стоять?!

— Возьми ключ, отворяй дверь! — Мать достала из кармана плаща ключ.

Поднявшись по обшарпанным ступеням крыльца, Максим отпер замок, открыл дверь, другую. За ним вошли женщины. На крохотной кухне у переборки стоял старинный кухонный стол, рядом такого же возраста стул. Слева — русская печь, справа — перегородка в комнату. Жанна огляделась:

— Дом небольшой, а работы предстоит много.

— Ничего, вместе все осилим! — обнял жену муж.

— Максим…— Мать, словно силы внезапно покинули ее, опустилась на стул.

— Да, мама? — Сын мгновенно оказался рядом.

— Максим, выйди в сарай. У дверей лестница, поднимись на чердак, там, у печной трубы справа есть проломленная доска, достань оттуда чугунок.

— Мам, а что там — золото? — улыбнулся сын.

— Чистейшее! — загадочно улыбнулась мать.

— И ты думаешь, оно до сих пор там? — Сын указал пальцем на потолок.

— Хочу надеяться, что его никто не тронул за это время. Иди уже!

Максим с Жанной вышли. Минуты тянулись невыносимо долго. Старушка не находила места: то нервно садилась на стул, то нетерпеливо вскакивала, то опять присаживалась и прислушивалась. «Интересно, что там происходит?» Сверху были слышны неторопливые шаги по скрипучим половицам,— значит, сын на чердаке. Потом донеслось какое-то шуршание: видно, ищет проломленную доску. Какое-то время сверху не доносилось ни звука. «Наверно, не нашел… — Нелли Максимовна скрестила руки на груди и тяжело вздохнула: — Ничего не поделаешь, здесь сорок лет жили чужие люди…»

Половицы снова заскрипели, и через мгновение распахнулась дверь. В руках Максим держал небольшой старинный чугунок с отколотым верхом. Тот самый!

— Давай сюда! — Мать торопливо выхватила чугунок, вытащила из него холщовую тряпицу и замерла.

— Мам, ну что ты? Давай разворачивай! Клад сохранился? Там золото?

— Может, там драгоценности? — не сдержалась невестка.

— Да, самые дорогие в мире драгоценности.

Нелли Максимовна развернула тряпицу. На ее коленях оказались крупные осколки стеклянной вазы.

Сын и невестка одновременно ахнули:

— Осколки вазы?! Зачем они здесь?

Нелли Максимовна отложила осколки на стол, бережно достала из сумки сверток, аккуратно разорвала бумагу. Максим с Жанной увидели изящную стеклянную вазу-сахарницу на тонкой ножке.

— Начинаем обустраиваться в доме с вазы? — не понимая, что происходит, сказал сын.

— В войну настоящего чая не было, покупали в магазине сушеную грушу, запрессованную в брикеты, и заваривали. Нам с Гришей (я рассказывала, это сын папиного брата) безумно нравилось жевать эту вкусную заварку. Она обычно лежала вот здесь, на узких полатях.— Мать подняла руку и показала, где раньше были полати.— Рядом сахарница стояла, ее отец еще до войны матери в подарок из города привез. Гриша вставал на четвереньки, я забиралась ему на спину, дотянувшись до полатей, доставала заварку. Отрезали ножом небольшой кусочек, потом я снова вставала на спину брата и возвращала брикет на место. В тот злополучный день Гриша пришел, как обычно, днем. Мы попробовали достать наше лакомство, но мама, как нарочно, положила брикет ближе к стене, длины моих рук не хватало. Грише пришлось выгнуть спину дугой, чтобы поднять меня как можно выше. Только я нащупала брикет, как дверь распахнулась и влетела взволнованная мама:

— Победа!

От неожиданности я дернула рукой, зацепила сахарницу, та с грохотом упала на пол и разбилась. Мама на миг оторопела, потом схватила меня в охапку, утащила в комнату:

— Ах, сорванцы! Ишь, чего удумали!

Гриша убежал домой. В тот день я досыта наелась «березовой каши». Получая очередную порцию, пыталась оправдаться: «Я не виновата! Вот вырасту, научусь писать, всем объясню, что без вины наказываешь…» Столько лет прошло, а чувство, что мама со мной поступила несправедливо, никак не отпускает. Да, сахарницу разбила я, но не нарочно же, нам-то нужен был не сахар, а заварка. Только вот маме в этом признаться так и не смогла.

— Мам, значит, ты бабушке так ничего и не рассказала? — сделал вывод Максим.

— Не получилось, сынок. Я всю жизнь мечтала: вырасту, куплю новую сахарницу, принесу маме и покаюсь… Купить-то я ее купила, на первую же зарплату, да мамы уже не было. У отца — новая жена, не до меня. Кому душу распахивать? Да и зачем, столько лет прошло.

— Нам все-таки рассказали,— разочарованная неоправдавшимися надеждами, через силу выдавила невестка.

— Не знаю… зачем? Может, чтобы освободиться от чувства вины?

— Мамуль, тебе сколько лет? А ты все как маленькая девчонка.

— С сегодняшнего дня начинаю взрослеть,— радушно улыбнулась Нелли Максимовна. Казалось, что она всю жизнь на плечах носила мешок с увесистыми булыжниками, а сейчас, окончательно обессилев, сбросила его. Ноги, привыкшие к постоянной тяжести, слегка тряслись, но облегчение чувствовалось колоссальное. Хотелось просто петь и плясать. Хоть, может, это состояние появилось и оттого, что дом тоже обрадовался вновь видеть свою хозяюшку.

— А у нас новость…— раскраснелась вдруг Жанна.

— Какая?

— Ты скоро станешь бабушкой! — уточнил Максим.

— Милые мои, родные!.. — Будущая бабушка обняла обоих сразу.— Теперь некогда сидеть, надо успеть до появления наследника здесь все в порядок привести…